

Родион Мариничев

Асель

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Р60

Р60 **Родион Мариничев**
Асель / Родион Мариничев – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 320 с.

ISBN 978-5-524-03014-6

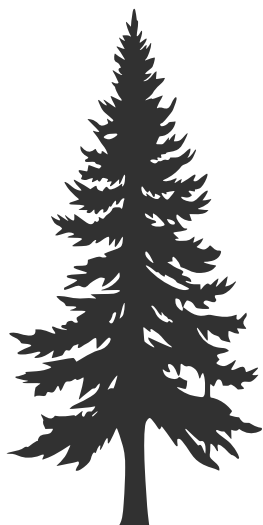
В центре повествования – история женщины, чья жизнь, кажется, застыла в точке перепутья. Старый дом, где она когда-то жила с мужем и сыном, становится символом уходящего времени, прошлого, которое неумолимо настигает героиню в момент слома эпох. Через прошлое она пытается осмыслить те драматические события, которые происходят вокруг. Воспоминания о родителях, о детстве всплывают в памяти Асель, перекликаясь с настоящим, словно нити времени сплетаются в единый клубок. Прошлое, настоящее и будущее сливаются воедино, стирая границы между реальностью и вымыслом. Роман «Асель» – это не только хроника семейной драмы, но и глубокое размышление о памяти, ответственности и выборе.

ISBN 978-5-524-03014-6

© Lennex Corp, 2026
© Родион Мариничев, 2026

РОДИОН МАРИНИЧЕВ

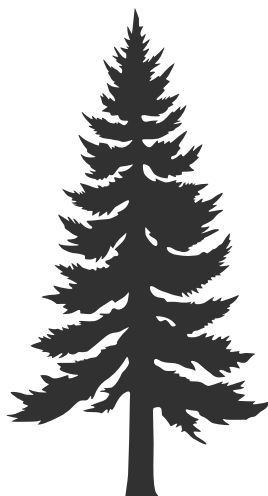
АСЕЛЬ

ПАЛЬМИРА

listai

Москва
2025

УДК (821.161.1)
ББК (84.4)
М26

Мариничев Р.

М26 Асель/ Родион Мариничев — М: Т8 Издательские технологии / Listai, 2025./ «Пальмира», 2025 — 320 с.

ISBN 978-5-517-13637-4

В центре повествования — история женщины, чья жизнь, кажется, застыла в точке перепутья. Старый дом, где она когда-то жила с мужем и сыном, становится символом уходящего времени, прошлого, которое неумолимо настигает героиню в момент слома эпох. Через прошлое она пытается осмыслить те драматические события, которые происходят вокруг. Воспоминания о родителях, о детстве всплывают в памяти Асель, перекликаясь с настоящим, словно нити времени сплетаются в единый клубок. Прошлое, настоящее и будущее сливаются воедино, стирая границы между реальностью и вымыслом. Роман «Асель» — это не только хроника семейной драмы, но и глубокое размышление о памяти, ответственности и выборе.

ISBN 978-5-517-13637-4

© Р. Мариничев, 2025

© Оформление

«Т8 Издательские Технологии», 2025

1. СОВХОЗ

Когда Жанна немного выпьет, она начинает капризничать. Так, немного, словно хочет понравиться.

— Лоор... Вот чего здесь опять такая грязюка? Ну вот на хер субботники проводить, если всё равно потом дерьмо под ногами?..

А иногда она ещё и матерится — слегка, но как истинная совхозница, подтверждающая свой почётный социальный статус, кричащий с плакатов. На плакат Жанна тоже попадала: висела на Доске почёта, но потом сняли. Вроде бы в таком же вот точно состоянии кому-то что-то сказанула лишнее. С ней бывает! И если мужикам это иногда нравится (ну, действительно есть любители), то Лора в такие моменты порой сдерживает себя, чтобы не огреть Жанну по затылку. Сама-то Лора если и пьёт, то не каждый выходной, а вообще, больше по праздникам, а до праздника ещё три дня.

— Я, к херам, сама эту улицу граблями скребла в мае, и вот опять вся в говне... — не унимается Жанна.

— Так это было в мае, а сейчас — ноябрь. На демонстрацию в среду, ты забыла?

— Да хер ли тут забудешь...

Не слишком твёрдо держась на ногах, Жанна спотыкается о какую-то корягу и летит носом в столб, который, как по задумке, нарисовался прямо на её тернистом пути.

— Твою дивизию!.. — стонет Жанна (это она у своего понахваталась).

Алая кровь бесшумно капает на пальто, на сапоги (какого хрена эта идиотка надела светло-бежевые сапоги, которые урвала где-то в Москве?! Будто не по деревне пройти собралась, а в Большой театр!), на осеннюю грязь, которую ещё не покрыло снегом. Даже на столбе остаётся яркий кровавый след. Жанна при этом стоит почему-то на одной ноге, как подбитый журавль, и зажимает нос двумя пальцами, словно собралась высморкаться.

— Всё, стоп машина! — дёргает её Лора. — Пора назад.

— Да какой назад?! — хнычет Жанна. — Мы же даже до поля не дошли!

— Какое поле?! — орёт Лора. — Ты мне уже изнылась, что вся в говне! А там тебе вообще по колено будет!

— Там тропинка есть утоптанная. К теплицам и до самого леса. Я там почти каждый день хожу! — не унимается Жанна. — У тебя есть платок?

— Ну да, в лесу-то сейчас самое оно!

Потом Жанна долго сморкается в Лорин платок, который становится красный, как повязка раненого, и после этого уверенно идёт дальше, так что Лора, тоже перепачкавшись в грязи, едва за ней успевает.

— Ну ты куда попёрла-то, попёрла куда, спрашиваю?!

Из переулка они наконец выбираются в поле и замирают, остолбенев: прямо на бороздах метрах в двухстах све-

тится окнами длинный автобус. Да ещё и мигает задними фарами. Несмотря на спускающиеся сумерки, хорошо читается его необычайно яркий синий цвет с отливом фиолетового. Передняя дверь открыта. Судя по окнам, внутри никого.

— Ло-ор, — канючит Жанна, — ты же... ну... тоже видишь?

— Ви-ижу, — вторит Лора и трёт глаза. — Трактор, что ли, какой новый?

— Да какой трактор? Какой трактор в ноябре? Картошку уже два месяца как убрали!

— Да знаю я! — машет рукой Лора. Она всегда машет рукой, когда пытается доказать, что уверена в своей правоте.

Борозды довольно хлипкие, хоть уже немного схвачены ночными заморозками. Жанна и Лора пробираются, как партизаны по минному полю, держась друг за друга. Жанна так вообще вылитая партизанка: наполовину распахнутое пальто, расквашенный нос, выбившаяся прядь на лбу. И вот она ведёт свою «боевую подругу» во вражеский штаб. Добравшись до автобуса, Жанна стучит по его ярко-синему борту, затем по затемнённому стеклу. На маршрутной табличке светится номер «семьсот девяносто два».

— Лоор... Чё за мандула такая? Ты понимаешь?

Она не решается войти внутрь через единственную открытую дверь рядом с водительской кабиной. В ней ожидается пусто. Жанна облакачивается об автобус, словно проверяет, не исчезнет ли он прямо сейчас. Но тот стоит не шелохнувшись. Лора лишь пожимает плечами и направляется вдоль борта, мимо закрытых стеклянных дверей, мимо «гармошки», соединяющей два салона, мимо ещё одной маршрутной таблички (обе почему-то пустые,

с одним лишь номером), и останавливается у последнего колеса, за которым не видно никакого следа. Совсем.

— С неба, что ли, свалился? — бормочет Лора, чуть не по щиколотку проваливаясь в грязь. — А где это вообще такой автобус ходит? Такого и маршрута-то нет — семьсот девяносто два! — кричит она Жанне, которая всё так же стоит у открытой двери, не решаясь войти.

— Может, в Кожухово новый пустили?

— В Кожухово как ходил триста семьдесят второй, так и ходит! Я там позавчера была!

— Ну, значит, в Люберцы. Это небось междугородний!

— В Люберцы двадцать третий ходит, как и ходил! Что ты мне рассказываешь?!

— Да это, похоже, откуда-то из-за границы, — снова машет рукой Жанна и наконец входит в салон.

Внутри сиденья, обтянутые синей тканью, жёлтые поручни и узкое табло, на котором электронными буквами написано: «Следующая остановка». На поручнях у дверей какие-то маленькие телевизоры — не телевизоры, жёлтые, с чёрным экраном. На экране написано белыми электронными буквами: «Приложите карту». Ещё пара телевизоров под потолком. На обоих горит надпись: «Мосгортранс».

— Лоор, — канючит Жанна. — Это чё за космический корабль?

Громко отряхивая ноги от грязи, Лора входит следом, трогает сиденье, словно дорогое платье, и стоит перед ним, так и не решаясь сесть.

— Смотри! — указывает она Жанне на сиденье. — Это же Кремль?

На синем рисунке сиденья действительно виднеются фигуры Спасской башни.

— Ну вроде, — бормочет Жанна. — А это телебашня, что ль?

И правда, помимо кремлёвских башен, здесь различима Останкинская.

— А водитель где? — спрашивает сама себя Лора. — Водитель сейчас придёт, у него и спросим, куда едет, откуда, чего.

— Из Америки небось, — хмурится совсем протрезвевшая Жанна. — Я у нас таких автобусов отродясь не видела. Даже в Москве!

— И сразу тебе Америка! Это, может, наши какую новую модель изобрели к Олимпиаде? С телевизорами...

— Ага, и сразу в картофельное поле загнали!

— Вон тут какие-то баллоны... — бормочет Лора, замечая на плоском пространстве над колесом два красных баллона, которые лежат, словно две жирные палки говяжьей колбасы.

— Да это ж огнетушители! — оживает Жанна. — У нас такие же в конторе висят. Рядом с кабинетом председателя.

— Ну уж не такие... Эти какие-то узенькие...

— Да какие узенькие? Точно такие же!

— Ты давно у кабинета председателя-то была?

— Не переживай! Я бываю там регулярно, и не за выговорами туда хожу!

— А я что, за выговорами?.. Жан, ты о...ла, что ль?..

Лорин тон становится жёстким, как схваченная морозом борозда. И поза у неё тоже меняется — застывает, словно в игре «море волнуется раз». И вот она сейчас стоит

в проходе под телевизором и, кажется, готова к намечающейся схватке. Жанна, немного ретировавшись, тоже переходит в атаку.

— Ты это... чего такая борзая-то? Думаешь, если меня сняли с Доски почёта, а тебя не сняли, ты тут можешь меня матом крыть?

— Ты перепила, что ли? — начинает наступать Лора, но тут же получает по носу.

Удар не то чтобы ловкий — скорее у Жанны это выходит случайно. Но дело сделано: на гладкий серо-голубой пол падают алые капли крови. Лора смахивает очередную каплю и, схватив обидчицу за грудки, валит её на сиденье с той самой телебашней и куском Кремля.

— Дрянь! — хрипит Жанна, вцепившись Лоре в волосы.

Всё продолжается ещё минуты две, после чего Лора окончательно берёт верх и, сцепив Жаннины руки за спиной, наваливается на неё сверху.

— Отпусти, падла! Сейчас милицию вызову!

— Вызывай хоть КГБ, — шепчет Лора. — Пьянь...

Кровь по-прежнему капает на сиденье, на пол, на Лорины сильные руки, на Жаннино пальто, и без того окровавленное после «встречи» со столбом. Как только Лора осознаёт свою победу, она теряет интерес к битве. Отпустив соперницу, она пытается привести себя в порядок: достаёт из кармана ещё один платок и аккуратно промакивает нос, затем вынимает из другого кармана помаду и подводит губы. Всё это время Жанна ревёт, распластавшись на сиденье:

— Всю жизнь все меня били: мать била, старшая сестра била, первый муж бил, второй муж бил, третий...

— Пил, — подхватывает Лора. — Пить меньше будешь — меньше приключений на свой деревенский зад сыщешь.

— А у самой городской, что ль? — Жанна приподнимается на заляпанном кровью сиденье.

— Ты мне ещё поговори! Вставай и пошли отсюда! Скоро темнеть начнёт.

Жанна с трудом поднимается и садится на заляпанное кровью сиденье:

— Иди одна. Я никуда не пойду.

— Ты дура, что ли?

— Вот ты... вот ты опять мне хамишь! — Жанна снова ревёт.

— Ну точно, дура! Ты ночевать, что ли, здесь собралась?

— А может, и собралась! Здесь ничуть не хуже, чем в моей халупе! Какая разница, на этой сраной тахте спать с этим ублюдком или на вот таких шикарных сиденьях? Я таких не видела никогда... — И снова ревёт.

— Да не реви ты уже! Съездила мне по морде, получила в ответ. Чего реветь теперь?

Лора ещё раз подводит губы помадой, отчего они становятся ярко-красные, как у театральной куклы. В таком виде она часто ходит на работу и слывёт ушловатой бабой, впрочем, именно такой, какой и должен быть бригадир совхоза-миллионника, тем более подмосковного.

— Всю жизнь живу в дерьме, — продолжает Жанна. — До Москвы рукой подать, а всё равно не москвичка! Всё равно совхозница!

— Вон на стройку устраивайся лимитчицей и езжай в свою Москву. Чего там только не видела? Телебашню?

— Я в городе всю жизнь хотела жить, в городе! А живу в...

— Рабочем посёлке. С горячей водой и туалетом, между прочим. И халупа твоя никаким местом не хуже московской! С лифтом и мусоропроводом. А я в хрущёбе живу и не вякаю.

Лора поджигает губы, раскатывая по ним ярко-красную помаду, и наконец убирает её в карман.

— Я с самого начала хотела лимитчицей, — не унимается Жанна. — Но мать меня отговорила: тяжести будешь таскать, не родишь никого... Иди в совхоз поближе к Москве, а там и в Москву попадёшь... — И снова всхлипывает, вытирая то ли слёзы, то ли пораненный нос.

Её историю Лора знает, как детскую колыбельную: деревенская девушка из неближного Подмосковья перебирается в ближнее, надеясь, что станет «почти» москвичкой, но это «почти» по-прежнему отравляет всю её жизнь, сколько бы мужиков она ни сменила, ведь можно вывести девушку из деревни, но деревню, как известно, из девушки вывести невозможно. В отличие от Жанны и ей подобных Лора Москву терпеть не может. Особенно всю вот эту вот Ждань, которая начинается сразу за МКАДом, если ехать отсюда, из-за города. Въезжаешь — и вот тебе длинные, местами покоцанные девятиэтажки, которым и десяти лет ещё нет, шербатые бордюры тротуаров, как плотины, подпирающие лужи, в которых плавают окурки, заплёванный параллелепипед «Кулинарии» (в народе — «стекляшка»), и в центре всего этого — станция Ждановская. Тут тебе и электрички, и метро, и чёрт-те что: бабы в халатах, торгующие цветами, смородиной, картошкой, цыгане, карманники, попрошайки... Воняет табаком впе-